

Шэнь Цзя словно погрузился в оцепенение. Он застыл, не смея сделать ни шага навстречу, боялся проверить, наяву ли всё происходящее.

Лу Хэ тоже стояла не шелохнувшись, растерянно всматриваясь в его лицо.

Перед ней был молодой человек с чистой, бледной кожей, на щеках которого играл здоровый румянец, а глаза лучились мягким светом. Выглядел он вполне благополучно. Черты лица Шэнь Цзя почти не изменились с детства — он остался удивительно похож на неё саму. Сколько бы лет ни прошло, Лу Хэ узнала бы его из тысячи.

— Ты... Цзяцзя...

Глаза женщины наполнились слезами. Неверной шатающейся поступью она подалась вперёд и протянула дрожащую руку, желая погладить его по голове, как делала это много лет назад.

Когда она уходила, её ребёнку было всего десять. Такой маленький, такой послушный мальчик... А теперь перед ней стоял взрослый, статный мужчина.

Шэнь Цзя заворожённо смотрел на её ладонь. Дыхание перехватило, всё тело натянулось как струна. Он не смел даже шевельнуться, панически боясь, что эта встреча — лишь очередной фантом. Стоит сделать движение, и образ Лу Хэ мгновенно растворится в воздухе.

Но едва кончики её пальцев готовы были коснуться его волос, из глубины коридора раздался молодой голос:

— Мам, я всё! Пойдём.

Рука Лу Хэ замерла на полуслове, а затем бессильно опустилась.

В глазах Шэнь Цзя зажгло от подступающих слёз.

— Мама, не уходи... — с отчаянной поспешностью пробормотал он, лихорадочно пытаясь перехватить её тонкое запястье.

Но Лу Хэ уже повернулась и на автомате сделала несколько шагов на зов.

Шэнь Цзя рванулся за ней, желая удержать, и в этот миг разглядел того, кто окликнул его мать.

Словно ушат ледяной воды вылили на него с головы до ног. В тёплом, прогретом пространстве торгового центра Шэнь Цзя пробрал такой лютый холод, что зубы выбили мелкую дробь.

Перед ними стоял высокий, крепко сбитый юноша в повседневной одежде. Лицо его — с мягкими, изящными чертами и смеющимися глазами — казалось кошмарно, до ужаса знакомым.

«Нет... Только не он... Сделайте так, чтобы это был не он!»

Шэнь Цзя въелся в него взглядом, широко раскрыв глаза, будто надеясь разглядеть хоть одну деталь, которая доказала бы: этот человек — вовсе не тот, о ком он подумал.

— Мам, а это кто?

Выйдя из уборной, Чэнь Лэкан сперва заметил лишь силуэт мужчины за спиной матери. Но подошёл ближе — и разглядел лицо.

— Шэнь Цзя? — Чэнь Лэкан насупился. Встретить здесь бывшего мужа Юй Сяньхана он никак не ожидал.

В душе мгновенно вспыхнула настороженность. Шагнув вперёд, он заслонил собой Лу Хэ и процедил с явной угрозой, будто Шэнь Цзя пришёл сюда искать драки:

— Ты что тут забыл?

С лица Шэнь Цзя стремительно сбежала кровь. Он перевёл застывший взгляд на Лу Хэ, но та лишь беспомощно приоткрыла рот, так и не вымолвив ни слова.

— Она... твоя мать? — вытолкнул он из себя вопрос. Каждый звук давался с трудом, отдавая звенящим льдом. Впрочем, задавая этот вопрос, Шэнь Цзя уже знал ответ.

Какая жестокая, абсурдная насмешка судьбы.

Любовник его бывшего мужа называет его мать «мамой».

— А тебе-то какое дело? — грубо обрезал его Чэнь Лэкан. Он обнял Лу Хэ за плечи, намереваясь увести, но женщина не сдвинулась с места.

— Мам?

По щекам Лу Хэ градом текли слёзы. Сбросив руку Чэнь Лэкана, она сделала шаг к Шэнь Цзя, бессильно шевеля губами в попытке хоть что-то объяснить:

— Цзяцзя... Он... он...

Шэнь Цзя резко отвернулся. Он не хотел ничего слушать.

В тот год, когда мать ушла, он обижался, плакал, злился, но в конце концов искренне пожелал ей обрести счастье. Когда Шэнь Цяньлун шипел ему: «Мать тебя бросила!», Шэнь Цзя мысленно спорил: «Неправда! Мама не бросала меня, она просто сбежала от тебя! Она меня не забудет!» Ведь Лу Хэ повторяла, что он навсегда останется её самым любимым мальчиком.

И всё же, бесконечными одинокими ночами Шэнь Цзя невольно думал: а что, если у матери давно новая семья? Другой ребёнок? Что, если она и не вспоминает о молчаливом, липнущем к ней сыне?

— Я... я пойду.

Он сделал шаг назад, порываясь сбежать. В эту секунду он почувствовал себя абсолютно лишним — словно чужеродный элемент, разрушающий чужое тихое счастье.

— погоди! Цзяцзя!

Лу Хэ бросилась за ним и схватила за запястье. Кожа сына оказалась обжигающе холодной.

— Цзяцзя, послушай меня... Его зовут Чэнь Лэкан. Он твой младший брат. Родной брат! Мама не...

В ту ночь, когда Лу Хэ уходила, она думала, что десятилетний Шэнь Цзя крепко спит. Но стоило ей бесшумно встать с кровати, как тоненькая детская ручка вцепилась в её пальцы.

Шэнь Цзя с детства рос слабым, а в одиннадцать лет напоминал худенького, истощённого котёнка. На исхудавшем личике выделялись огромные блестящие глаза, а взрослые женские футболки висели на нём мешком, обнажая острые ключицы.

«Мама, ты уходишь? Возьми меня с собой... Я ем совсем-совсем мало, я не буду стоить тебе денег...» — шептал он тогда в темноте едва слышно, понимая, что Шэнь Цяньлун не должен проснуться.

Её ребёнок был таким послушным, таким понимающим...

«Цзяцзя, мама некудышная, мама больше не может так жить... Но мама любит тебя!» — плакала она, опустившись на колени и целуя его в лоб. Слезы капали в его глазницы, затапливая все несказанные просьбы и детскую тоску.

И тогда Шэнь Цзя сам разжал пальцы и отпустил её.

— Чэнь Лэкан... — тихо проговорил Шэнь Цзя. Вся его фигура одеревенела, словно позвоночник заменял стальной штырь. — Почему Лэкан?

После долгой паузы он развернулся и взглянул на мать. В его улыбке не было ни капли тепла, а красные, опухшие глаза были точной копией её собственных.

— Потому что ты хотела, чтобы он рос счастливым и здоровым?

Имя отзывалось внутри глухой болью.

Лэкан. Счастье и здоровье.

«Почему ты пожелала это ему? Потому что я рос болезненным и несчастным — и ты решила отдать все свои молитвы другому?»

Шэнь Цзя перевёл взгляд на опешившего Чэнь Лэкана.

Широкоплечий, высокий, с прямыми, мужественными чертами лица, он тоже унаследовал красоту Лу Хэ. Неудивительно, что Юй Сянхан увлёкся им. Неудивительно, что Лу Хэ не вспоминала о первом сыне двадцать лет.

— Мам, да что здесь происходит?! Вы о чём вообще?! — Чэнь Лэкан переводил шокированный взгляд с матери на Шэнь Цзя.

Он — брат Шэнь Цзя? Родной брат?!

Значит... значит, он разрушил семью собственного брата?!

Лу Хэ, с трудом сдерживая рыдания, смотрела на старшего сына. Она порывалась заговорить, но застыла, увидав выражение его лица. В нём читалось столько горечи, обиды и затаённой злобы, что на мгновение Лу Хэ показалось, будто перед ней... Шэнь Цяньлун.

— Почему Лэкан? Откуда взялось это имя? — снова спросил Шэнь Цзя. Сжав кулаки, он сделал шаг вперёд. Ему хотелось подойти ближе, ещё ближе, но даже простое движение отозвалось тупой болью в груди.

Лу Хэ инстинктивно отшатнулась. В её глазах мелькнул испуг.

Заметив эту реакцию, Шэнь Цзя замер, а Чэнь Лэкан тут же заслонил собой мать.

— Шэнь Цзя, давай поговорим позже. Мы просто вышли за покупками, никто не готовился к

такой встрече. Давай потом...

Чэнь Лэкан осекся, потому что Шэнь Цзя внезапно усмехнулся.

— Ты чего вылупился? — с трудом сохраняя спокойствие, насупился юноша.

Шэнь Цзя молча подался к нему.

Чему я смеюсь?

К чему нужно «готовиться» матери и сыну перед встречей? Что они себе вообразили? Какое ещё «позже»?!

— Чэнь Лэкан... — выдохнул Шэнь Цзя и медленно поднял руку.

А в следующее мгновение — абсолютно неожиданно для всех — он со всего маху врезал Чэнь Лэкану по лицу.

Тот вскрикнул от боли, схватился за разбитый нос и отшатнулся.

Костяшки пальцев занемели, а затем вспыхнули острой болью. Шэнь Цзя занёс руку для второго удара, но между ними стеной встала Лу Хэ.

— Шэнь Цзя, ты что творишь?! С чего ты вдруг распустил руки?! Ты становишься точь-в-точь как Шэнь Цяньлун!

Шэнь Цзя понимал, что за эти двадцать лет мать давно сделала свой выбор. Но видя, как она закрывает собой другого, он лишь мысленно посмеялся над собственной наивностью. С чего он взял, что у неё осталась хоть капля вины перед ним? С чего решил, что она хотя бы спросит, как он жил все эти годы?

— Он мне задолжал, — глухо проговорил он.

Лу Хэ, будто поняв причину его ярости, вцепилась в его локоть и умоляюще запричитала:

— Лэкан ни в чём не виноват! Мама знает, знает, что тебе было тяжело... Но это мои ошибки, не вымещай злобу на ни в чём не повинном человеке!

Шэнь Цзя медленно моргнул. Он опустил взгляд на мать, и в голове всплыл единственный вопрос:

«Мама, если ты знала, что мне тяжело... почему ты меня бросила?»

Он годами избегал этого вопроса. Даже когда нащупывал шрамы на своём теле, старался о нём не думать. Шэнь Цзя убеждал себя, что сам отпустил её тогда, что его никто не предавал.

Но слова Лу Хэ словно подвели черту под его детством: он был просто ненужным, нелюбимым ребёнком, оставленным на произвол судьбы.

— Мам, я в порядке, я сам разберусь, — Чэнь Лэкан вытер кровь из-под носа и отстранил мать. Он понимал, что в этой ярости смешалась и обида за Юй Сянхана. — Шэнь Цзя, я понимаю твои чувства, но я уже...

— Я не чувствую обиды, — прервал его Шэнь Цзя. За пару минут его лицо катастрофически побледнело. — Я просто вспомнил... Тебе ведь двадцать один, верно?

— Ну да. И что? — не понимая, буркнул тот.

— Двадцать один... А я старше тебя на одиннадцать лет. — Шэнь Цзя пробормотал это, смотря куда-то сквозь них.

Старше на одиннадцать лет.

В тот год, когда Лу Хэ ушла, ему было ровно одиннадцать.

Стоявшая рядом Лу Хэ изменилась в лице и поспешно заговорила, пытаясь перебить его.

Но в следующую секунду Шэнь Цзя схватился за грудь. Оперевшись о стену, он начал медленно сползать на пол. Его тело содрогалось от частых, судорожных вздохов.

Сердце колотилось как бешеное, ударяясь о рёбра. Воздуха катастрофически не хватало, словно горло сжала невидимая петля. Шэнь Цзя почти уткнулся лбом в холодный кафель, сипя и задыхаясь.

Перед глазами поплыли тёмные круги. Воспоминания о детстве с Лу Хэ рушились, рассыпаясь на мелкие осколки.

Он вспомнил, как лежал в больнице, а мать рассказывала ему сказку про гадкого утёнка.

«Один утёнок, два утёнка... и утёнок Цзяцзя, который надул губы и не хочет пить лекарство!»

Лу Хэ шутливо тормошила его за нос, а Шэнь Цзя гнусавил в ответ: «Я не утёнок! Я мамин

любимый малыш!»

«Но если Цзяцзя не выпьет отвар, он не будет маминым послушным малышом...»

Шэнь Цзя помнил тот горький отвар. Спустя двадцать лет эта горечь всплыла из глубины желудка, обжигая горло и вызывая тошноту.

Один утёнок, два утёнка... и маленький уродец, меркнувший на фоне прекрасного лебедя.

Между ним и Чэнь Лэканом лежала пропасть.

Чэнь Лэкан был желанным ребёнком, ради рождения которого Лу Хэ бросила первого сына. Он был тем, ради кого Юй Сянхан легко пошёл на измену.

А ему, Шэнь Цзя, приходилось отдавать всего себя, чтобы заслужить хотя бы кроху тепла, но даже полученная любовь в итоге оборачивалась болью.

Справедлив ли этот мир?

То, о чём он молил судьбу, другие получали даром.

Любит ли его кто-нибудь по-настоящему?

Юй Сянхан предал после десяти лет отношений. Лу Хэ за двадцать лет обзавелась новым, драгоценным ребёнком.

...

Шэнь Цзя наконец осознал: все эти годы он был абсолютно, беспросветно одинок.

А иллюзия того, что его кто-то любит, оказалась лишь жалкой выдумкой.

— Цзяцзя! Что с тобой?! Не пугай меня, Цзяцзя! — Лу Хэ в ужасе смотрела, как сын корчится на полу, обхватив себя руками. Из его груди вырывался свистящий хрип, спина дрожала, а побелевшие пальцы сжимали край куртки так, что на тыльной стороне ладони проступили вены.

— Цзяцзя! Цзяцзя!

Она упала перед ним на колени, пытаясь приподнять его за плечи, но Шэнь Цзя лишь

задыхался, совсем переставая реагировать на внешний мир.

— Лэкан, помоги же! — закричала она оцепеневшему сыну.

Чэнь Лэкан опомнился и бросился к брату, но в тот же миг его с силой оттолкнули в сторону.

— Вы что делаете?! — рявкнул незнакомец.

Пришелец действовал стремительно. Чэнь Лэкан успел заметить лишь яркие красные волосы и чёрную куртку.

— Малыш, родной мой, ты меня слышишь? — раздался тревожный голос. — Ну-ка, приподними голову. Задержи дыхание... Вот так, молодец. Как тогда: задержи и медленно выдыхай.

— Умница... Всё хорошо, не плачь. Я здесь, я рядом.

Оттолкнутая в сторону Лу Хэ обессиленно опустилась на пол. Влажная от пота, она сморщилась от беспомощности и со страхом спросила:

— Что... что с ним?

Мужчина, сидевший спиной к ним, бережно обнимал Шэнь Цзя и вытирал пот с его лба. Его дорогое пальто безжалостно валялось на грязном полу, но парню было всё равно.

Он не удостоил Лу Хэ и Чэнь Лэкана даже взглядом.

И лишь когда дыхание Шэнь Цзя немного выровнялось, а судорожные всхлипы утихли, ответил — ледяным, запредельно холодным тоном:

— Гипервентиляция на фоне эмоционального шока.

И добавил, не поворачивая головы:

— Что вы с ним сделали?